

Татьяна ДОГИЛЕВА:

Я НИКОГДА НЕ СТАНУ СВЕТСКОЙ ЛЬВИЦЕЙ

Рем. Клеф. - 1998. - 5 марта. - С. 7.

Как любили в России Татьяну Догилеву! как любили! Еще в бытность страны — Советским Союзом, еще в бытность Догилевой — актрисой Ленкома, блеснувшей в “Жестоких играх”. Она стала одним из секс-символов переходной эпохи, даром что ролей “с сексом” ей не доставалось, — но страна желала именно ее. С ее строго дозированной вульгарностью, с умением стоять за себя и уводить из семьи (кто из нас устоял бы на месте филатовского героя в “Забывтой мелодии для флейты”?). Наконец, с ее сдержанностью и героическим умением приходить в себя после очередного катастрофического поражения; если в отечественном кино есть типаж, напоминающий Скарлетт, — то вот: Догилева.

Как ее любили! и любят! Именно поэтому с таким сладострастием часть критики стала топтаться на ее премьере “Лунный свет, медовый месяц” по пьесе Ноэля Каурарда. Как бы плох (или хорош) на деле ни был спектакль, в большинстве критических наездов ощущается явное желание воздать Догилевой за все годы безоблачного обожания.

— **Таня, вы поняли теперь, как приятно быть режиссером?**

— Да я догадывалась... но в общем, конечно, я теперь все спектакли и фильмы смотрю гораздо более — не скажу “снисходительно”, но сострадательно уж наверняка. Я теперь лучше понимаю, чего это стоит.

— **Что, так трудно с актерами?**

— Нет, это как раз самое легкое. Я кричала на репетициях всего два раза.

— **Вы в принципе крикливы?**

— **В смысле — вспылчива?**

— Вспылчива и отходчива, вскипаю и остываю очень быстро. Я женщина, мне положено выкрикиваться. Я откричусь, отревусь и опять все хорошо, это мне помогает злиться на кого не держат. Помоему, так лучше. Нет, актрисами своими я более чем довольна. Во всем виновата только я. Это режиссерский дебют, и отсюда — масса ошибок. И тем не менее я счастлива, что вот — я хотела и сделала, и спроси меня ктонибудь, не жалею ли я, — нет, ни о чем не жалею.

У меня сейчас вся кожа содрана, потому что про меня пишу невозможные, непрофессиональные вещи. Пусть спектакль ругают — Бог с ним, я считаю, что он хороший, публика идет, на каждом представлении хохот, отличная пьеса Каурарда, хорошо понимающего, что нужно актеру... В общем, мне нравится, люди благодарят.

— **Таня, вам не обидно играть и ставить для новых русских?**

— Почему — только для новых русских? Они в театр не ходят, по моим наблюдениям... Презентации — это да, это их стихия. Среди них, кстати, есть глубоко симпатичные мне люди, работающие по двадцать часов в сутки.

— **Тут мы с вами никогда не сойдемся.**

— Это у вас какой-то негативный опыт, а я видела среди них очень занятых людей... Что касается спектакля — да, у нас билет от пятидесяти до двухсот тысяч, но это обычные театралы, которые и прежде ходили на спектакли, и теперь ходят. Я не замечала, чтобы публика как-то изменилась. Я играю все равно главным образом для балкона. Это лучший зритель.

— **Вам не кажется, что расплодившиеся повсеместно антрепризы напоминают старый добрый “чес” по провинции? Что в массе своей их спектакли халтурны (исключение делаю для Козакова, который даже если бы захотел — скалтурить не сможет в силу одаренности)?**

— Козакова я не имею права хвалить, потому что сама у него играю, а пьесы Каурарда у него идут в переводах Мишина, который мне несколько сродни.

А если говорить об антрепризе вообще — вы тысячу раз правы, а в тысячу первый будете неправы, потому что это дело живое, оно развивается. Проще всего оставаться традиционным театром, в ко-

тором вся доска прессы увешана восторженными отзывами, а в зале сидят три с половиной пьяных человека. Таких священных коров в нашем театре множество, я никаких имен называть не хочу, но лучше, по мне, делать спорное и живое дело, нежели оставаться в безопасности, рутине и тине. Да, пока антрепризы ставят легкую драматургию. А потом будет классика, придет опыт, зритель и театр воспитают друг друга. Да, масса пошлости. Но это, знаете, неизбежная вещь — актер не привык работать в бродвейском ритме, когда пьеса ставится за сорок пять дней, и спектакль выходит сырым, еле собранным. Ничего, организм перестраивается и привыкает к новым нагрузкам. Что касается провинциального “чеса” — то провинциальному зрителю как раз труднее угождать. Я больше люблю эту публику, она умнее, благодарнее, реакция более непосредственная.

— **Вам случилось играть с лучшими мужчинами русского кино: кто наиболее неотразим? Или все бледнеют рядом с Плачидо?**

— С Плачидо у меня вообще не сложились, потому что “Афганский излом” был одна из первых копродукций, все страшно заискивали перед итальянцами, и в тех дико тяжелых условиях, в которых снималась картина (пустыня, жара, начинались первые конфликты по окраинам Союза), им доставалось все лучшее. Отдельные дома с кондиционерами. Отдельный стол. Они общались главным образом в своем кругу, и это меня, как вы понимаете, к нему не располагало. Помоему, если играешь настоящего мужчину (не говорю уж — если являешься им), имеет смысл разделять с героиней тяготы и лишения. Но картину эту я все равно люблю, и что меня потрясло — на просмотре афганцы признали ее абсолютную достоверность. Сзади меня сидела целая компания и все переживала: идиот, куда он побежал, куда стреляет...

— **Афганистан пришелся как раз на ваше поколение: мне, честно говоря, показалось, что у вас с ним связана какая-то собственная трагедия. Иначе такую медсестру было не сыграть.**

— Я с афганцами дружила. Познакомились мы на гастролях Ленкома в Саратове, нас там поселили на базе отдыха, и база эта была далеко от города, такая странная атмосфера, охраняли ее замкнутые молодые ребята... Они же там и все остальное делали — уборка, ремонт... Один из них пошел покупать, и я увидела шрамы. Что, спрашиваю, бандитская пуля? И он заплакал. Потом много рассказывал про Афганистан. Но меня даже не это поразило, а полная их неспособность — во всяком случае, тогда — вписаться в мирную жизнь. Зиму они где-то кантовались, а с весны до

осени собирались все вместе на этой базе: любая другая среда их тяготила. Из их рассказов эта роль и получилась.

— **Вы за политикой следите?**

— Я, конечно, не в вакууме живу. Не следить невозможно — наша жизнь сейчас так устроена, что политика продолжает нас касаться ближе, чем надо. Потому что в идеале, боюсь, люди театра за политикой следить не должны, это им может вкус испортить... Я знаю какие-то главные вещи. Но очень не люблю читать газеты (настроение портится не так от информации, как от тона). Телевизор смотрю от случая к случаю.

— **Какую свою роль вы считаете недооцененной, за какую картину вам обидно?**

— Мне грех жаловаться, а люблю я “Блондинку за углом”. Картина встретили в штыки, она безбожно испорчена доделками, поправками, переозвучками, а в оригинале это была трагическая история о новом и очень привлекательном женском типе.

— **Отвратная баба, по-моему. Чистая хищница.**

— А я смотрю и чуть не плачу от жалости к ней. Она совсем не хищница, это в вас тоже какой-то негативный опыт говорит. Она просто сильная женщина, от природы сильная, и любит сильно...

— **Не люблю это тип.**

— Вот беда, а я почти все время его играю...

— **Нет, в “Забывтой мелодии” вы другая.**

— Почему другая? Я же там его с того света вытаскиваю — это слабость, что ли?

— **Кстати, неужели герой Филатова — с его слабостью, раздвоенностью, предательством — мог вызвать у вашей героини такую бурю чувств?**

— Филатов сам настолько талантлив — изобильно, неукротимо, щедро, посмотрите, какие отличные вещи он сейчас пишет! — что не влюбиться в этого героя невозможно. В глаза бросается обаяние таланта, а уж подлости, предательства, измены и прочее уходят на второй план. Ходя он довольно жестко сыграл героя, не пощадил его. Но женщине к таким вещам не привыкать. Женщин часто предадут, надо быть к этому готовой.

— **А вам часто случалось быть беспощадной к мужчинам?**

— Слава Богу, нет, я этого совсем не умею.

— **Вы после родов не бросили курить?**

— Я курю очень мало. Катя не должна видеть меня с сигаретой. Иногда, во время разговора или если нервничаю... Если ребенок сейчас войдет и увидит дым — запомните: курили вы.

— **Катя — в вас или в Мишина?**

— В обоих. Характер, по-моему, все-таки легче моего. В интонации ее рассуждений — а она сейчас много философствует — сквозит нечто мишинское.

— **Вас очень раздражают журналисты?**

— Это теперь моя работа, от нее отказываться не приходится. Последние три года я вообще старалась интервью не давать, но сейчас вышел спектакль — приходится разговаривать. Я не хочу сказать, что меня раздражает наш разговор. Я в принципе не люблю про себя говорить, это не мое дело. Мне нравится замкнутая домашняя жизнь. Я никогда не стану “шикарной женщиной” — в смысле светской львицей. Этот тип мне совершенно чужд. Я не люблю макияж, предпочитаю спортивный стиль в одежде и терпеть не могу попадать в светскую хронику.

— **Какие занятия или события вам наиболее ненавистны?**

— По пословице: ждать и догонять. Ненавижу кому-то доказывать свое право на существование.

— **Извините за этот вопрос, но какой возраст для женщины труднее всего? Исходя из вашего опыта?**

— Я бы не сказала, что возраст так уж влияет на трудность или легкость жизни. Трудно другое — предопределенность, замкнутый круг. Я любую предопределенность ненавижу, поэтому постоянно пытаюсь выскочить из колеи. Режиссура, антреприза — еще одна такая попытка. Вообще надо уметь что-то, кроме игры, потому что перелом ампулы — это страшный возраст. Комиссаржевская так его и не пережила.

Большинство актрис после сорока испытывают тяжелый кризис. Но в семнадцать лет немногим легче — комплексы. В двадцать два, после института, опять же надо самоутвердиться, приходится в театр, иногда годами ждать роли... Всякий возраст труден, надо уметь выстраивать себе какую-то параллельную жизнь...

— **Кто ваш идеал актрисы?**

— Алиса Фрейндлих.

— **А из актеров кто нравится?**

— Из западных — ничего оригинального: Де Ниро, Аль Пачино... Из наших — Меньшиков, Жень Миронов, Маковецкий.

— **Что-то вам подозрительно амбивалентные мужчины нравятся.**

— Да, актер должен уметь быть всяким. Это не значит, что у него самого нет личности: тут я как раз с Мозом несогласна. У него написано, что актер врет каждую секунду, что у него не остается себя — все уходит в театр. Неправда, по-моему. И Меньшиков, и Миронов, и Маковецкий — личности. И этим-то собственным светом они умеют подсветить любую роль: Миронов, по-моему, лучше всего это сделал в “Лимите”.

А вообще я умных люблю. Не только актеров. Умные, а тем более талантливые гораздо честнее — это уж мой собственный опыт, так что можете поверить.

Встречался Дмитрий БЫКОВ.